

ЕВРОСОЮЗ: ОТ КОНГЛОМЕРАТА ПОЗИЦИЙ – К ЕДИНОМУ ИНТЕРЕСУ

Европейский союз постепенно обретает черты целостного, хотя и сложного и многосоставного политического организма, перед которым объективно встает вопрос о формировании все более консолидированной позиции на международной арене. О некоторых аспектах эволюции системы единой внешней политики и дипломатии ЕС корреспондент БелТА Владимир Васильков беседовал в Брюсселе с сотрудником аппарата Европейского парламента господином Бартоломеом НОВАКОМ.

— Господин Новак, сфера внешней политики Европейского союза порождает много дискуссий внутри этого межгосударственного объединения: не всегда легко согласовать национальные интересы различных стран, приводя их к общему знаменателю. Даже Лиссабонский договор, будучи уже почти принятым в ЕС, встретил на своем пути препятствие. Каким европейские парламентарии видят будущее внешнеполитической концепции Евросоюза?

— Прежде всего следует отметить, что Европарламент является представителем народа, его воли и интересов. Ведь ЕС построен на взаимодействии различных институтов, и это взаимодействие отражает определенный баланс интересов: Еврокомиссия как своего рода центральный исполнительный кабинет представляет общеевропейские интересы, национальные правительства представляют в Совете ЕС свои, а Парламент старается играть роль трибуны, с которой звучит голос народа.

В связи с этим Европарламент всегда за интеграцию, всегда прилагает усилия к тому, чтобы эффективные проекты внутри ЕС находили применение. Лиссабонский договор предусматривает предоставление Парламенту большего объема полномочий. Это очень важная мера для Европейской внешней политики и политики безопасности (ЕВППБ).

Естественно, крайне трудно осуществлять единую внешнеполитическую деятельность на международной арене, когда вы-

работать совместную позицию должны 27 стран, имеющих разную историю, культуру, экономику и географическое положение, да и взгляды на мир у них отличаются... В таких условиях любой пункт принимаемого документа может подпадать под вето страны – члена союза. И в связи с этим Европарламент играет очень конструктивную и положительную роль: он усиливает механизм принятия решений на общеевропейском уровне – иногда в противовес механизмам на уровне национальном. Таким образом, в рамках европейской внешней политики и политики безопасности роль Европарламента состоит в подталкивании национальной внешней политики отдельных стран-членов к тому, чтобы она была как бы «более европейской» – это значит, в большей степени отвечала бы общим интересам.

В вопросах внешней политики компетенция Европарламента ограничена. Внешняя политика – сфера, в которой последнее слово остается за государствами-членами и Европейским советом. Верховный представитель – этот пост занимает теперь Хавьер Солана – является своего рода модератором, посредником между национальными интересами 27 стран.

Очевидно, что в плане внешней политики Евросоюза у Европарламента нет никаких решающих рычагов. Однако у него есть роль площадки для открытых дискуссий, что, безусловно, очень важно. Ведь без свободной дискуссии невозможны эффективные решения.

Европарламент не имеет формальных инструментов влияния, но обладает возможностью привлекать широкое внимание европейской общественности к тому или иному вопросу. Если в Парламенте что-то говорится, в резолюции, которая не обязывает государства-члены к чему-либо, применяются инструменты «мягкой силы», и они действуют весьма успешно.

– **Лиссабонский договор предполагал введение фактически министра иностранных дел ЕС, который соединял бы в себе три категории полномочий. Есть определенные опасения, связанные с тем, что должность, концентрирующая в себе столь большой объем функций, породит определенные проблемы в бюрократическом плане (к примеру, для этого человека потребуются дополнительный аппарат чиновников в рамках системы ЕС)...**

– Не думаю, что эти опасения оправданы. Напротив, введение этого нового поста упрощает систему. Давайте посмотрим, какие должностные лица отвечают за координацию внешнеполитической деятельности Евросоюза сегодня, до внедрения положений Лиссабонского договора.

Во-первых, есть Верховный представитель по внешней политике и политике безопасности – господин Хавьер Солана. Он курирует внешнеполитическую сферу в Совете Европейского союза – органе, который отвечает за принятие принципиальных решений.

Во-вторых, есть мадам Бенита Ферреро-Вальднер, которая занимается вопросами зарубежной политики в Еврокомиссии – ведущем исполнительном органе ЕС.

И наконец, в Евросоюзе существует институт председательства. Одна из стран – членов ЕС председателствует в течение полугода, и в этот период правительство этой страны также имеет рычаги влияния на ЕВППБ. Таким образом, налицо своего рода институциональное троевластие в вопросах общеевропейской внешней политики и дипломатии. Не случайно знаменитому политику Генри Киссинджеру принадлежит афоризм: «К кому мне обратиться, если я обращаюсь к Европе?»

И в этом плане применение положений Лиссабонского договора может сыграть поло-

жительную роль, направленную на создание в Евросоюзе более цельной и эффективной дипломатии. Согласно этому договору позиция Верховного представителя по внешней политике Союза – не какой-то дополнительный пост. Это позиция, объединяющая в себе ответственность за внешнеполитический курс всего Евросоюза, различных органов его системы.

Кроме того, право вето у государств-членов остается, и в случае серьезных стратегических вопросов по-прежнему необходим консенсус всех 27 стран.

Если мы, европейцы, хотим играть заметную роль на мировой арене, мы должны быть едиными. Естественно, есть сферы, в которых единство позиций достигается проще. К примеру, экономическая жизнь, рынок, торговля.

Сегодняшняя ситуация с мировым финансовым кризисом наглядно показывает, что евро-валюта являет впечатляющую стабильность. Таким образом, евро – своего рода ресурс стабильности. Здесь налицо большой успех. И подобные успехи хотелось бы видеть и в политической сфере, а не только в экономике.

– **Как будут соотносить и координировать свою деятельность верховный представитель и постоянный президент ЕС? Оба этих поста предусмотрены Лиссабонским договором для лиц, уполномоченных представлять Евросоюз на международной арене...**

– Все будет зависеть от людей, которые займут эти посты. Но я не вижу проблемы. Следует иметь в виду, что президента в классическом понимании этого слова у Евросоюза все же не будет – это просто кресло председательства в Евросовете. Институт более постоянного характера (на 2,5 года), чем нынешнее председательство, которое в порядке ротации обновляется каждые 6 месяцев.

Введение поста президента добавит концентрации принятию решений на общеевропейском уровне. Ведь сегодня каждые полгода новая страна-председатель пытается привнести некий свой акцент в политику Союза, а это, как вы понимаете, иногда создает определенные трудности.

...Скажем, совершенно очевидно, что Российская Федерация должна играть значительную роль в белорусской политике – чтобы это понять, достаточно взглянуть на карту. Однако полагаю, и думаю, что мое мнение совпадает с точкой зрения ЕС, что будущее Беларуси – в правильной взаимозависимости, привязанности по многим факторам к двум, а не одной, большим силам – и Российской Федерации, и Европейскому союзу.

– **Федерализм – это цель евроинтеграции?**
 – Знаете, в свое время я работал три года, убеждая польских граждан сказать на референдуме «да» вступлению страны в Евро-союз. Объяснял им преимущества, которые должна была получить Польша вследствие этого шага. В тот период я действовал и позиционировал себя как убежденный федералист. Но после пятилетнего опыта работы в Европарламенте я вижу, что всегда есть баланс между интересами государств и общеевропейским интересом – и на этом балансе зиждется вся система ЕС. Ни тот, ни другой аспект европолитики не должен превалировать. И единственный способ поддержания этого равновесия – эффективно решать, какие функции отнести к тому либо другому уровню. Разделение полномочий – очень важный вопрос.

В настоящее время решения в области внешней политики не могут приниматься европейскими государствами в одиночку. Для примера возьмем отношения Европы с таким гигантом, как Россия. Для меня совершенно очевидно, что единая стратегическая позиция в отношениях с Москвой должна быть у всех членов Евросоюза – иначе есть риск того, что российская дипломатия будет стремиться сыграть на имеющихся у членов ЕС разногласиях, что только ослабит позиции союза в целом и, как следствие, всех его стран.

– **А каковы сегодня наиболее явные камни преткновения в плане разделения полномочий?**
 – К примеру, экологическая стратегия. ЕС сегодня борется за сокращение так называемых парниковых выбросов. При этом Польша – страна, промышленность которой очень зависит от угольной энергетики, с трудом может себе позволить радикальные меры против этих выбросов, поскольку для ее экономики это слишком тяжелое бремя. Поэтому позиция Варшавы в этом вопросе во многом отличается от позиции, скажем, Германии или Франции.

– **Наверное, очень противоречивым вопросом был и в значительной степени остается вопрос о модели голосования в Совете ЕС?**
 – Это не совсем так. Проблема была в основном в несогласии Польши с предлагаемой Лиссабонским договором моделью, что

можно объяснить особенностью посткоммунистических стран Европы, власти которых опасаются, что не смогут защитить интересы своей нации в межгосударственном союзе ввиду собственной институциональной слабости. Позиция Польши относительно голосования основывалась не столько на математике (как известно, спор был относительно предлагаемой Качиньскими концепции «квадратного корня»), сколько на стремлении защитить себя от институциональной нестабильности.

– **Насколько сильны сегодня настроения евроскептиков в Польше?**

– Конечно, такие настроения есть. В общественной жизни должен быть представлен весь спектр мнений. Парадокс же заключается в том, что польский евроскептицизм был нам – сторонникам евроинтеграции – даже на руку. Дело в том, что когда мы на заре своего вступления в ЕС обсуждали размеры субсидий союза для Польши, польское правительство всегда прибегало к такому аргументу: поскольку в стране очень сильны евроскептические настроения, нужно как можно больше субсидий для польской экономики, чтобы доказать людям пользу ЕС. Любая страна, и Польша здесь не исключение, сталкивается с тем, что через некоторое время после вступления в Евросоюз эйфория проходит. Это объясняется тем, что ЕС – очень сложный механизм, который становится неотъемлемой частью национальной жизни – политической, экономической и социальной, и требуется время, чтобы нация адаптировалась к нему.

Конечно, сегодня, как и раньше, озвучивается аргумент евроскептиков: «Мы теряем независимость». Однако нужно осознать, что в современном мире быть независимым невозможно. Даже Швейцария, которая принципиально не входит в состав многих европейских структур, мотивируя это своим желанием оставаться независимой, – даже она, будучи сплошь окружена пространством ЕС, не может быть в полной мере независимой от политических, экономических и иных процессов, которые протекают в союзе.

Поэтому для наций целесообразнее говорить не о некой абсолютной независимости, а, скорее, о путях достижения выгодной

и сбалансированной взаимозависимости. Ключевой момент в том, что мы никогда не сможем быть независимыми государствами вне Европы.

– **Вопрос о независимости сегодня актуален и для Беларуси как молодого европейского государства. Что Вы можете сказать о перспективах поиска нашей страной упущенного Вами баланса?**

– На мой взгляд, сегодня перспектива этого поиска и, в частности, дальнейший ход развития отношений между Беларусью и Евросоюзом зависят в первую очередь от Минска. Мне хотелось бы, чтобы белорусские власти осознали, что дело здесь вовсе не в персонах, не в том, что Брюсселю якобы не нравится действующий белорусский президент. И, конечно, не в том, что Евросоюз якобы заиклился на поддержке конкретных оппозиционных политиков. На самом деле вопрос в политическом выборе руководства страны и в том, насколько этот выбор свободен от влияния соседей, например России.

Скажем, совершенно очевидно, что Российская Федерация должна играть значительную роль в белорусской политике – чтобы это понять, достаточно взглянуть на карту. Однако полагаю, и думаю, что мое мнение совпадает с точкой зрения ЕС, что будущее Беларуси – в правильной взаимозависимости, привязанности по многим факторам к двум, а не одной, большим силам – и Российской Федерации, и Европейскому союзу.

Конечно, сегодня не совсем корректно говорить о перспективах членства вашей страны в ЕС – это были бы слишком абстрактные прогнозы, тем более что официальный Минск не заявлял о намерении вступать в союз. Тем не менее, для белорусов важно понять, что суть позиции Брюсселя в отношении их страны – не в неприятии каких-либо политических деятелей, а в сильной и глубокой заинтересованности ЕС иметь по-настоящему сильную страну в центре Европы. А такая страна не может все время играть чужими картами. С моей точки зрения, Беларусь призвана быть неотъемлемой и развитой частью европейского континента.

– **Однако создается впечатление, что Евросоюз действительно не устраивает персона Александра Лукашенко...**

– Нет, это не соответствует действительности. Если вы проанализируете политику Евросоюза, то убедитесь: ЕС не ведет политического диалога ни с одним государством, которое, с точки зрения Европы, не является демократическим. Ведь наш союз базируется на том, что он демократический. Поэтому, чтобы иметь успешное сотрудничество – я имею в виду не просто встречи и разговоры, а реальные совместные дела, в том числе в экономической сфере, – нужен отнюдь не приход к власти в Беларуси «желанного» для ЕС кандидата.

Сегодня любой кандидат в вашей стране, в том числе и Александр Лукашенко, в случае победы на выборах, которые будут оценены Западом как демократичные и прозрачные для международного наблюдения, получит поддержку Евросоюза. Просто потому, что такая победа обеспечивает платформу для разных волеизъявлений. В политическом плюрализме – не слабость, а как раз сила любого государства. А мы хотим видеть Беларусь сильной.

– **Не кажется ли Вам, что решения Польши и Чехии разместить на своей территории элементы американской системы ПРО во многом дестабилизировали ситуацию в Европе, в результате чего создается новый виток военной, политической и дипломатической напряженности, жертвой которой в определенной мере становится и Беларусь?**

– Не спешите!.. Разве Вы на сто процентов уверены, что в Польше будет принято именно такое окончательное решение?.. К власти в США пришла новая администрация. Дискуссия о безопасности в Европе продолжается, она по-прежнему актуальна и перспективна.

В историческом плане 2008 год можно назвать ключевым. К такому выводу подталкивают две крайне важные вехи – мировой финансовый кризис и грузинская война. Поверьте, очень многое в мире может измениться. Не следует забывать, что слишком поспешные решения могут иметь последствия на многие годы. При этом, считаю, Беларусь – слишком большая страна, чтобы играть лишь по правилам, которые для нее пишут другие. ■

Дискуссионным при подготовке Лиссабонского договора стал вопрос о формуле голосования в Совете министров ЕС. Германией был предложен метод «двойного большинства». Согласно этой формуле решение считается принятым, если за него проголосовали представители не только 55 % государств ЕС, но и не менее 65 % от общей численности населения Европейского союза.

Один из вариантов подсчета веса каждой из стран показывает, что это – система, при которой у Германии 11,6 % голосов, а у Польши – 5,7 %. При этом против решения трех крупнейших государств – членов ЕС была предусмотрена и система вето – четыре страны, высказывающиеся против. Варшава была главным противником такого нововведения и высказалась за систему распределения голосов по системе «квадратного корня», при которой вес каждого государства определяется величиной квадратного корня от численности его населения. В таком случае 39-миллионная Польша получила бы шесть голосов, а 82-миллионная Германия – девять.